

Modern bibliographic resources of social and humanities lexicography in Russia

The article deals with the types of domestic bibliographic lexicography resources aimed at social studies and humanities. The author evaluates their diversity. Special attention is paid to bibliography lists to books and articles. Lexicographic work is considered to be a valuable bibliographic resource.

Key words: *lexicographic bibliography resource, lexicographic work, bibliography of lexicography, bibliography lists to books and articles.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2016)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.С. ШКУРАТ
(Липецк)

ОБРАЗ ХРАМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ю.В. БОНДАРЕВА

Последовательно проводится мысль о глубокой укорененности творчества Ю.В. Бондарева в православной традиции. Подчеркивается связь образной символики его прозы с православной культурой. Рассматривается образ храма как наиболее устойчивый, репрезентативный в поэтике произведений Бондарева, анализ ключевых эпизодов которых позволяет выявить смысловую доминанту образа храма в его творчестве. Делается вывод о том, что образ храма выступает в художественном мире писателя как символ спасения и духовный оплот для находящихся в поиске истины персонажей.

Ключевые слова: *Ю.В. Бондарев, художественный образ, храм, духовный оплот, православие.*

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, указом президента объявленный также Годом литературы, писатель Юрий Васильевич Бондарев стал лауреатом Патриаршей литературной премии имени святых

равноапостольных Кирилла и Мефодия. Зададимся вопросом: как расценивать это событие? Как дань уважения 91-летнему классику советской литературы, на «военной» прозе которого было воспитано не одно поколение наших соотечественников? Или есть иное объяснение этому? На наш взгляд, факт вручения Бондареву столь высокой награды из рук Патриарха Московского и всея Руси Кирилла имеет более глубокое основание и связан с тем, что творчество Бондарева укоренено в христианской православной культуре. Предвидим возражение: о какой связи художественного мира писателя с православной духовной традицией может идти речь, если ни в одном его произведении мы не находим пространных раздумий автора и его героев ни о вере, ни о Боге? Да и в общении с журналистами Бондарев стремится не выносить на всеобщее обсуждение эту очень личную, сокровенную для него тему.

Тем не менее по крупницам рассыпанные в различных интервью авторские суждения достаточно ясно обозначают вектор духовных исканий Бондарева и позволяют говорить о нем как о православном человеке. Так, в интервью корреспонденту газеты «Завтра» находим следующую бондаревскую мысль: «Кого ведет высшая сила Божьей длани, тот не впадает в отчаяние – и наша надежда завершится концом страданий России» [6, с. 178]. В другом интервью Бондарев признался, что ему особенно близки слова преподобного Серафима Саровского: «Святым Духом всякая душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим Единством священнотайне...», – и далее вскользь заметил: «Причастность к этой священной тайне изменяет всю жизнь человека. Теперь я это знаю по себе...» [Там же, с. 158]. А на вопрос журналиста, какую книгу он взял бы с собой на необитаемый остров, писатель, перечислив несколько, по его выражению, «вечных книг», первой среди них назвал Евангелие [2, с. 1].

Но даже всякое отсутствие в публицистике размышлений Бондарева о его отношении к православию не могло бы послужить доказательством, опровергающим наше мнение о глубокой связи мировоззрения писателя с православной традицией. По справедливому утверждению С.В. Шешуновой, «принадлежность творчества автора к определенной культурной традиции определяется не тем, что он целенаправленно иллюстрирует ее постулаты,

а тем, что в художественной ткани его образов проступают <...> характерные для данной традиции особенности» [8, с. 15], система ценностей.

Необходимо отметить, что в современном литературоведении предпринимаются попытки прояснить философско-мировоззренческие основы творчества Бондарева, вписав его в контекст отечественной религиозной философии, что, по нашему представлению, является важным слагаемым в процессе приближения к адекватному восприятию персоналии писателя и его места в литературном процессе. К примеру, в 2010 г. вышла в свет работа В.В. Компанейца «Русская социально-философская проза последней трети XX века» [7] (впоследствии несколько раз переиздававшаяся). В третьей главе книги, наряду с произведениями Л.М. Леонова и В.Ф. Тендрякова, анализируются романы Ю.В. Бондарева «Берег», «Выбор» и «Игра», которые В.В. Компанеец определяет как социально-философскую трилогию. В монографии Л.С. Шкурат [9] роман «Берег» проанализирован в контексте «военной» прозы Бондарева, которая рассматривается как неотъемлемая часть отечественной культуры, ориентированной на систему христианских ценностей. Однако ряд важных вопросов, связанных с интерпретацией прозы Бондарева, в частности ее образной символики, до настоящего времени не исследовался специально и нуждается в пристальном изучении. Этот существенный пробел мы попытались восполнить в данной статье.

Образная символика произведений Бондарева неразрывно связана с христианской православной культурой. Центральное место в художественном мире Бондарева занимает образ храма. Впервые в его творчестве образ храма возникает в романе «Берег», для героев которого, Вадима и Лиды Никитиных, он становится духовным оплотом. На долю Никитиных выпадает самое тяжелое для родителей испытание – гибель ребенка. После его смерти Никитиным овладевают два чувства: отчаяние и ощущение несправедливости случившегося с сыном. В отличие от мужа, Лида в состоянии духовного кризиса делает правильный шаг: подавленная испытанием, она идет в храм как в последнюю обитель, чтобы поставить свечку за упокой души ребенка. Лида выходит из церкви внутренне преображенная, она повторяет отрывки фраз священника, восхищаясь их красотой и глубиной:

«Она вышла, опустив бледное лицо, на ходу раскрыв сумочку, начала торопливо раздавать монеты, несколько смущенно вкладыва-

ть их в ковшиком протянутые покорные старческие ладони – и после, садясь к рулю, сказала ему (Никитину. – *Л.Ш.*), глянув заплаканными глазами:

– Прости, милый, я заставила тебя ждать. Я не смогла быстро... – И заговорила в грустной задумчивости: – Как это возвышенно звучит: “Церковь Христова, церковь во Христе, церковь во имя Христа”, или вот: “Эта беспокойная грешная земля”, “блаженной памяти Петр”, жаль, что никогда не учила церковнославянский язык. Какие высокие и печальные древние слова!» [1, с. 392].

В страданиях наступает духовное просветление героини, которое начинает распространяться и на Никитина. Эпизод посещения храма является кульминационным моментом в духовной эволюции персонажей «Берега», приводит их к новому осмыслению жизни и своего места в ней, к изменению точки отсчета в их ценностной системе мира. Храм для Никитина – это «благодатная земля», тот «обетованный берег», к которому приближается герой в финале своего земного пути и который «обещает ему всю жизнь впереди» [Там же, с. 396], поскольку душа человека бессмертна.

В романе «Выбор», как и в «Береге», образ храма несет важную смысловую нагрузку. Он выступает, с одной стороны, хранителем прошлого, одним из символов «первопрестольной Москвы». Не случайно встреча с родным Замоскворечьем спустя десятки лет разлуки начинается для героев «Выбора», Васильева и Рамзина, именно со старой церквушки, где «теплились сквозь решетчатые узоры окон огоньки свечей, темнели фигуры старух на паперти, а вокруг, будто в тихом чужом городе, розовели стекла верхних этажей, розовел снег на карнизах, горели предзакатным солнцем кресты высоких куполов, до войны разрушенных, теперь обновленных, и галки с провинциальным шелканьем носились над колокольной» [3, с. 209]. С другой стороны, храм в этом произведении – это идеальный образ-топос, к которому стремится Васильев в своих мечтах. В финальной главе романа Васильев вспоминает сказанную кем-то фразу: «Мы несчастны, потому что видим только поверхностный слой жизни» – и в «мягко окутывающем его сневидении» видит «маленький старинный городок с бело-розовыми стенами древней крепости, с башнями, с лазоревой рекой вокруг стен и деревянным мостом на окраине, под которым четко стояли в воде нежнейшие облака, городок весь полевой, со сладким деревенским воздухом, обещающим радость, любовь, покой, безмятежное наслаждение простотой жизни. С

ощущением томительного блаженства он чувствовал этот чудесный, ничем не тронутый городок, куда приехал зачем-то, и до необыкновенной ясности видел его силуэт, купы садов, мирные крыши, купола над рекой, видел <...> и думал с тихим восторгом:

“Как хорошо вечно жить в таком городке, в такой любвеобильной тишине и несуетливом покое. Но мне придется уехать отсюда, увозя чувство милого прошлого, молодой любви, тоски вот по такой русской реке, теплому небу и белым облакам, по вот этому существующему где-то блаженству... ведь здесь сама явь радости”» [3, с. 309]. Васильеву приоткрывается во сне «сама явь радости» в ее христианском понимании – это светлое состояние умиротворенности, происходящее от внутренней гармонии, это радость не конкретного, а общего, глубинного свойства, которая охватывает и пронизывает собой всю внутреннюю жизнь человека.

Так в романе «Выбор» возникает образ сокровенного града Китежа как средоточия совершенной праведности, обновленного мироздания, где царит гармония жизни и человеческого счастья, где гармонично соседствуют природные «красоты» («лазоревая река», «нежнейшие облака»), «красоты», созданные человеком («бело-розовые стены крепости», «башни», «деревянный мост на окраине»), и земные аналоги сакральных сфер («купола храма»). Не случаен и порядок перечисления увиденных героем «красот»: от природного, земного к духовному, небесному. Этот своего рода идеальный топос живет в памяти героя и воплощается в его сновидении, наполненном радостью, любовью, благодатью и вместе с тем – пронзительной тоской персонажа по «существующему где-то блаженству». В этом сне, сопряженном с воспоминаниями Васильева о «милом прошлом», о «фиолетовых студеных вечерах» в Замоскворечье, о счастливых моментах его далекой юности, о любви к жене, герой проникает в глубинные пласты бытия и понимает, что «среди тысяч смыслов и выборов есть один – великий и вечный...» [Там же, с. 319]. В финале произведения поиск Истины для Васильева не завершается, а лишь намечается перспектива пути к ней, и этот путь герою освещает «зеленая весенняя одинокая звезда» [Там же] – звезда любви и красоты, которые составляют вечное содержание жизни. Таким образом, финал «Выбора», как и завершение романа «Берег», ориентирован на евангельские символические смыслы. Любовь и красота предстают в нем как онтологические кате-

гории, в христианском понимании неразрывно связанные со смыслом бытия.

Бондарев отмечает, что в послевоенное время продолжается столкновение добра и зла, причем последнее приобретает все более изощренные формы в борьбе за души людей, поэтому в позднем творчестве писателя становится устойчивым образ храма и молитвы в нем как последнего прибежища человека перед лицом надвигающейся катастрофы. В романе «Игра» он неоднократно возникает в повествовании. Герои (Ирина Скворцова, Вячеслав Крымов, Джон Гричмар) заходят в церковь, где наступает их духовное просветление. В эпизоде посещения Скворцовой и Крымовым церкви Старого Спаса под Москвой каждая деталь имеет сакральный смысл: и то, что Крымов «задержался у иконы Богоматери, в озарении свечей взирающей неземными глазами на дела мирские» [4, с. 411], и то, что Ирина Скворцова, воплощение духовной чистоты, входила в церковь «освященная сзади белым водопадом солнца, льющемся с монастырского двора» [Там же, с. 523] и у нее было «отрешенное от всего земного лицо» [Там же, с. 413], и тишина «летнего светоносного блаженства на заросшем монастырском дворе» [Там же, с. 411], и воркующие голуби – символы мира и любви, в православии являющиеся символом Святого Духа (согласно тексту Священного Писания: «... и увидел Иоанн духа Божия, Который сходил, как голубь...» (Мф. 3:16)) и невинности очищенной покаянием христианской души, и главное – состояние души героя. В церкви Старого Спаса у Крымова было чисто и спокойно, тихо на душе, словно неземная благодать снизошла на него. В финале романа, на пороге жизни и смерти, Крымов видит «распахнутые ворота древнего монастыря» [4, с. 654]. В последние минуты жизни осуществляется прорыв героя через боль и страдания к радости, его переход в новое духовное измерение, и открывшийся ему в этот момент мир манит его, как и Никитина, теплом и обещанием вечной душевной гармонии.

На рубеже XX–XXI вв. Бондарев остался чрезвычайно чутким к актуальным проблемам современности, занимающим в этот период центральное положение в художественном мире писателя. В своем позднем творчестве Бондарев изображает человека на трагическом изломе времени. На пути духовно-нравственного самоопределения и поиска Истины главные герои его романов проходят через сложный нравственный выбор. Автор убедительно показывает, что последовательное вытеснение в мыслях и поступках персонажей

евангельской заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22:39) ветхозаветным законом «Око за око, зуб за зуб» (Исход. 21:24) ведет их к неизбежной катастрофе и гибели. А преодоление духовного кризиса и сохранение себя как личности в мире «без милосердия» возможно, по мысли Бондарева, только при условии опоры на многовековую традицию православия.

Аксиология «позднего» Бондарева согласуется с системой христианских ценностей, что находит отражение как в его крупных прозаических произведениях, так и в сборнике миниатюр «Мгновения», а также в публицистических статьях первых десятилетий XXI в., отмеченных высокой культурой мышления, философской глубиной, присущей писателю искренностью, и даже исповедальностью. Православное мировидение автора и героев миниатюр раскрывается в восприятии красоты природы как Божьего творения, в поиске Истины, смысла жизни и смерти, в осознании земной жизни как жертвы, несения креста, служения ближнему, в идее бессмертия человеческой души. Закономерно, что в книге «Мгновения», как и в философских романах Бондарева, присутствует образ собора как духовного оплота находящихся в поиске Истины героев, которые в православном храме возрастают душой и очищаются, приобщаясь к великому и тайному. В миниатюрах «Вечер в монастыре», «Рассказ балерины» персонажи на всем замечают следы Божественной благодати, которая наполняет их души неземным светом: и «в ангельских голосах церковного хора», и «в мягко мерцающих свечах», и «в теплом райском дуновении» ветерка, и в лике Спасителя, «страдающие глаза» которого обращены на молящихся прихожан [5, с. 75], – и, подобно Лиде Никитиной («Берег») и Вячеславу Крымову («Игра»), испытывают «непостижимую благодать», «душевное умиротворение» в «храмовой тишине», где утешаются их земные страдания, где им открываются порядок, высший смысл и красота бытия и где им хочется бывать ежедневно, вдали от «огромного хаотичного» города [Там же, с. 502].

Но чаще образ храма в художественном мире Бондарева возникает в воображении героев или в их снах, где, при сохранении его сакральной семантики, он наполняется добавочными смысловыми оттенками. В миниатюре «Опять» увиденные во сне «блистающие над крышами <...> крест и купола церкви в Вишняковском переулке» [Там же, с. 436] возвращают рассказчика в «драгоценный край» его детства. В миниатюре «Однолюб» храм высту-

пает знаком верности и вечности любви. В сознании героя этой миниатюры, утратившего со смертью супруги смысл жизни, все чаще, как утешение, возникает «невиданного великолепия, наподобие каменных кружев, пятиглавый собор с золотым куполом, который невозбранно царствовал в тумане над долиной», и ему кажется, что «созданный его воображением собор был и его начатый путь туда, к звездам, где теперь была она» [Там же, с. 556], его горячо любимая жена. Как видим, образ героя миниатюры «Однолюб», который верит в воссоединение с супругой в «ином мире», гармонично вписывается в христианское осмысление автором проблемы смерти – бессмертия, а мотив будущей жизни является одним из сквозных в поэтике произведений Бондарева.

В миниатюре «Малярия» мальчик, находящийся в бредовом состоянии, видит себя падающим с огромной высоты и чувствует свою беззащитность перед надвигающейся смертельной опасностью. В критической ситуации он ловит себя на мысли, что единственная оставшаяся у него возможность спасения – «зацепиться за золотой крест, за купол собора» [Там же, с. 26]. Так в «Малярии» собор становится символом спасения, освобождения героя от боли и страданий. А герой рассказа «В декабрьскую ночь», многое испытавший в жизни, видит «спасительное чудо», способное помочь человеку обрести прочные духовно-нравственные, моральные ориентиры, в храме, «в лике иконы Казанской Божией Матери» и в Слове, «вобравшем в себя всю боль, всю радость, всю скорбь, все торжество и надежду человечества, как сущность духовной энергии и вместе милосердия и добра» [Там же, с. 531]. Слово у Бондарева имеет евангельский ассоциативный ореол. Не случайно в рассказе «В декабрьскую ночь» оно написано с заглавной буквы, что напрямую отсылает к началу Евангелия от Иоанна. Бондарев уверен, что «мир спасет Слово», тот «духовный столп», на котором держится Россия и благодаря которому сохраняется «величайшая ценность» на Земле – человек. Эта сокровенная для писателя мысль, последовательно проводимая на протяжении всего его творческого пути, завершающим аккордом прозвучала и в выступлении Бондарева на торжественном вручении ему Патриаршей литературной премии.

Список литературы

1. Бондарев Ю.В. Берег. М., 1986.
2. Бондарев Ю.В. Вечен как свет // Слово. 2002. № 4. С. 1.
3. Бондарев Ю.В. Выбор. М., 1981.

4. Бондарев Ю.В. Искушение. Игра. М., 2003.
5. Бондарев Ю.В. Мгновения. М., 2009.
6. Бондарев Ю.В. Публицистика. Мгновения. М., 2008.
7. Компанец В.В. Русская социально-философская проза последней трети XX века. М., 2013.
8. Шешунова С.В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. 2008. Вып. 5. С. 6–17.
9. Шкурят Л.С. Нравственные искания героев романа Ю.В. Бондарева «Берег» в контексте «военной» прозы писателя. Липецк, 2007.

* * *

1. Bondarev Ju.V. Bereg. M., 1986.
2. Bondarev Ju.V. Vechen kak svet // Slovo. 2002. № 4. S. 1.
3. Bondarev Ju.V. Vybor. M., 1981.
4. Bondarev Ju.V. Iskushenie. Igra. M., 2003.
5. Bondarev Ju.V. Mgnovenija. M., 2009.
6. Bondarev Ju.V. Publicistika. Mgnovenija. M., 2008.
7. Kompanec V.V. Russkaja social'no-filosofskaja proza poslednej treti XX veka. M., 2013.
8. Sheshunova S.V. Nacional'nyj obraz mira kak kategorija jetnopojetiki russkoj slovesnosti // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr. 2008. Vyp. 5. S. 6–17.
9. Shkurat L.S. Nravstvennye iskanija geroev romana Ju.V. Bondareva «Bereg» v kontekste «voennoj» prozy pisatelja. Lipeck, 2007.

A temple image in the artistic world of Y.V. Bondarev

The article deals with the creative work by Y.V. Bondarev in the Orthodox tradition. The relation of the figurative symbolism in his prose and the Orthodox culture is emphasized. The temple image is regarded as the steadiest and the most representative in the poetic works by Bondarev. The analysis of the key episodes in the writer's works allows revealing the sense dominant of a temple image in Bondarev's creative work. The conclusion is made that a temple image in the artistic world of the writer is the symbol of salvation and spiritual support for the characters in search for the Truth.

Key words: *Y.V. Bondarev, artistic image, a temple, spiritual support, the Orthodoxy.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2016)

М.Р. ЖЕЛТУХИНА, О.А. МИХАЙЛУШКИНА
(Волгоград)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА (на примере повести «Так хочется жить»)

Исследуется концепт «путь» в творчестве В.П. Астафьева. Реализация базисного индивидуально-авторского концепта прослеживается на примере повести «Так хочется жить».

Ключевые слова: *концепт, индивидуально-авторский концепт, концепт «путь», русская лингвокультура, художественный дискурс, военная литература, В.П. Астафьев.*

Главной темой позднего периода творчества В.П. Астафьева остается тема Второй мировой войны в российской истории. Однако автор рассматривает ее с иного ракурса: художник вскрывает «фальшь и надуманность устойчивых представлений о войне, сформировавшихся в сознании людей, в том числе и под влиянием массовой культуры» [3, с. 16]. В.П. Астафьев своим творчеством воздействует на массового адресата, делая его сопричастным «писательскому поиску истины, собирающему воедино мир, на осколки раздробленный катаклизмами, войнами и хаосом в человеческих отношениях» [4, с. 95]. Произведения, написанные в 1990-х гг., синтезируют и обобщают многолетние художественные искания писателя. Повесть «Так хочется жить» (1995) вместе с повестями «Обертон» (1994–1995) и «Веселый солдат» (1995), рассказом «Пролетный гусь» (2000) диалогически соотносится с романом «Прокляты и убиты» (1992–1994) и продолжает историю фронтového поколения страны, раскрывая жизнь русских людей после победы в 1945 г. [2], выявляя основные концепты, значимые в русской лингвокультуре.

Необходимо подчеркнуть, что лингвокультурология рассматривает все языковые единицы (слова, идиомы, фразы, тексты и т. д.) как объективные элементы культуры. К субъективным элементам культуры, осуществляемым в языке, относятся лингвокультурные концепты [7]. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет выявить языковую картину мира писателя, художественный дискурс ко-